

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

УДК 330.101:338(510)

JEL: O1, O53, P26

А. И. ВОЛЫНСКИЙ¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИ- И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: volinskii_ai@inecon.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Аннотация

Цель: показ онтологического потенциала междисциплинарности и парадигмального плюрализма в экономических исследованиях на примере модели социализма с китайской спецификой и ее описания в западном общественно-политическом дискурсе.

Методы: качественные методы (дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный, обобщение).

Результаты: в работе показаны особенности дискурса в современной экономической теории относительно проблем внутри- и междисциплинарного синтеза. Экономический мейнстрим, претендуя на точность своего метода создания научного знания, может и становится основой политического знания и идеологических суждений. Описывая отдельные аспекты реальности, мейнстрим их нормализует, а порой и возводит в ранг норматива. На основе анализа китайской модели экономических реформ в статье показано, что в западном общественно-политическом и научном дискурсах относительно этой модели как на этапе их начала, так и ныне существуют ошибочные представления и ожидания относительно цели, содержания и результатов реформационного процесса. Первопричиной ложного восприятия стала, как представляется, дисциплинарная изолированность экономической науки, рассматривающей экономику как универсальную внеполитическую и внекультурную константу. Для подтверждения этого тезиса рассмотрены основные этапы трансформации идеологии построения китайской экономической модели, ее переход от антирыночной и антикапиталистической позиции к модели социализма с китайской спецификой. Показано, что среди траекторий будущего развития Китая западные экономисты, а вместе с ними и политики видели лишь две основные: ползучая либерализация и ограничение влияния государства в китайской экономике, сопровождаемые демократизацией политической сферы, либо достижение пределов экономического роста, возможных для стран с авторитарными институтами. Однако игнорируемый исследователями фактор коллективного действия сформировал устойчивую экономику роста, не сопровождающуюся политической либерализацией.

© Волынский А. И., 2023

© Volynskii A. I., 2023

Научная новизна: состоит в осмыслении дискурсов относительно китайской экономики как результата вызова, брошенного китайскими реформами политической экономии мейнстрима.

Практическая значимость: положения и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния экономической теории на общественно-политические дискурсы и политические решения.

Ключевые слова: экономическая теория, социализм с китайской спецификой, политэкономия, дискурс-анализ, Китай

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волынский А. И. Политэкономия социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 237-252. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

Scientific article

A. I. VOLYNSKII¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

POLITICAL ECONOMY OF SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS: ON THE ISSUE OF INTRA- AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Abstract

Objective: to show the ontological potential of interdisciplinarity and paradigmatic pluralism in economic research by the example of the Chinese-specific socialism model and its description in Western socio-political discourse.

Methods: qualitative methods (discourse analysis, comparative analysis, generalization).

Results: the work shows the features of the discourse in modern economic theory regarding the problems of intra- and interdisciplinary synthesis. The economic mainstream, claiming the accuracy of its method of creating scientific knowledge, can and does become the basis of political knowledge and ideological judgments. Describing certain aspects of reality, the mainstream normalizes them, and sometimes elevates them to the rank of a rule. Based on the analysis of the Chinese model of economic reforms, the article shows that in Western socio-political and scientific discourses regarding this model, both at the stage of their beginning and now, there are erroneous ideas and expectations about the purpose, content and results of the reform process. The root cause of this false perception is, assumingly, the disciplinary isolation of economics, as economics is considered to be a universal extrapolitical and extra-cultural constant. To confirm this thesis, the main stages of the transformation of the ideology of building the Chinese economic model, its transition from an anti-market and anti-capitalist position to a Chinese-specific socialism model are considered. It is shown that among the trajectories of China's future development, Western economists and politicians saw only the two main ones: creeping liberalization and limiting the influence of the state in the Chinese economy, accompanied by democratization of the political sphere, on the one hand, and reaching the limits of economic growth possible for countries with authoritarian institutions, on the other. However, the collective action factor ignored by researchers has formed a stable growth economy, not accompanied by political liberalization.

Scientific novelty: consists in comprehending the discourses about the Chinese economy as a result of the challenge posed by the Chinese reforms to mainstream political economy.

Practical significance: the provisions and conclusions of the research can be further used to study the influence of economic theory on socio-political discourses and political decisions.

Keywords: Economic theory, Chinese-specific socialism, Political economy, Discourse analysis, China

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2023). Political economy of socialism with Chinese characteristics: on the issue of intra- and interdisciplinary synthesis. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

Введение

Идея синтеза между различными парадигмами экономической теории, в частности двумя магистральными направлениями – экономического мейнстрима и гетеродоксии, и/или междисциплинарного синтеза – с завидной регулярностью встречается на страницах соответствующих научных рецензируемых изданий. Между тем экономический мейнстрим успешно игнорирует многие внешние по отношению к нему исследовательские программы. Не отмечая саму возможность синтеза, «ядро» экономического мейнстрима демонстрирует устойчивость к внешним влияниям: вбирая в себя элементы других дисциплин и парадигм, он превращает их в свой «защитный пояс», подстраивая внешние заимствования под свои исходные предпосылки.

Аргументация экономического мейнстрима в плане непересматриваемости базовых предпосылок строится на том, что последние показали свой высокий прогнозный потенциал по отношению к экономической реальности. Аргумент можно считать действительным при условии изучения экономики как закрытой реальности, что релевантно для большинства исследуемых экономистами проблем. Однако на примере китайских экономических реформ «социализма с китайской спецификой» мы покажем, что в отдельных случаях экономика не может быть рассмотрена отдельно от политического, культурного и исторического контекстов. Как мы покажем ниже, построение прогнозов экономических реформ в Китае, выросшее из неолиберальной парадигмы экономического мейнстрима, основывалось на восприятии рыночной реальности западных экономик как единственно возможного эффективного варианта реализации экономического обмена и создавало неверные ожидания от экономических реформ в Китае.

Неолиберализм отталкивался от модели человека экономического – ядра мейнстрима – в представлении модели рыночных реформ, опыт же китайских реформ показал, что, помимо индивидуального, движущей и определяющей силой реформ может быть коллективное действие со своими определяемыми длительным историческим контекстом мотивациями. Именно для введения в анализ практик исторического исследования, для решения конкретной задачи – определения траектории китайских экономических реформ – необходим синтез в экономической теории как между ее парадигмами, так и с иными дисциплинами.

В первой части работы будут показаны особенности дискурса в современной экономической теории относительно проблем внутри- и междисциплинарного синтеза. Покажем, что логика аргументации мейнстрима в части устойчивости и универсальности его теоретического ядра возлагает на мейнстрим в том числе и определенную ответственность перед обществом и политиками, так как именно мейнстрим претендует, говоря терминами Пьера Бурдьё, на доминирование на поле производства научного знания и легитимации общественного порядка.

Во второй части мы сфокусируемся на проблеме китайских экономических реформ как вызове прогностическим возможностям модели экономического мейнстрима.

Экономический мейнстрим: проблема внутри- и междисциплинарного синтеза

Кризис в экономической теории – популярный сюжет в работах многих и многих экономистов, часть из которых смело относят себя к гетеродоксальному направлению в экономической науке (яркий пример соответствующей аргументации см. в работе С. Г. Кирдиной-Чэндлер [1]), часть же ассоциируется с экономическим мейнстримом: это и Пол Кругман [2], и Джозеф Стиглиц [3], и Джордж Акерлоф [4]. В моменты критики экономической теории в ее современном изводе с характерными для нее структурой базовых предпосылок, «ядра», выражаясь терминологией Имре Лакатоса [5], и системой воспроизводства экономического знания через соответствующие издательские, университетские и аттестационные практики и тех и других объединяет аргументация своих тезисов через утверждение о неспособности научного мейнстрима предсказывать экономические кризисы и спады (последний часто используемый пример – финансовый кризис 2008 г., рефлексия вокруг которого поставила сложные вопросы перед экономической теорией (обзор по проблеме см. в работе Ю. Я. Ольсевича [6]). Однако опыт показывает, что высокая степень абстрактности позволила экономической науке выработать, как отметил В. С. Автономов, иммунитет по отношению к эмпирическим вызовам как таковым [7. С. 376]. Слабым местом критиков экономического мейнстрима, как и прежде, в 1953 г., когда Милтон Фридман озвучил свой знаменитый программный манифест о методологии позитивной экономической науки, в котором защищал абстрактность предпосылок экономической теории [8], до сих пор можно считать, цитируя В. Л. Тамбовцева, «отсутствие убедительных реакций на актуальные экономические проблемы, выходящих за рамки критики мейнстрима и обладающих достаточной доказательностью и практической реализуемостью» [9. С. 19]. По крайней мере, именно на этот недостаток указывают сторонники мейнстрима. Аргументация в вышеупомянутом тексте Фридмана строилась на аналогичных основаниях и защищала «ядро» мейнстрима: «Критика такого рода в значительной степени бьет мимо цели, пока она не дополняется фактами о том, что гипотеза, отличающаяся в том или ином из этих аспектов от критикуемой теории, дает лучшие предсказания для широкого круга явлений. Однако большая часть подобной критики такими фактами не дополняется; она почти полностью основывается на непосредственно наблюдаемых расхождениях между „предпосылками“ и „реальным миром“» [8. С. 41].

Поставленные рядом обе цитаты разных авторов и разных десятилетий, как представляется, ярко свидетельствуют о стабильности дискурса, разделяющего экономическую науку на два условных полюса: мейнстрима и гетеродоксии. Практика выстраивания защитных и наступательных стратегий неизменна в своей аргументации вот уже более полувека. Продолжая использование лакатосовской терминологии, отметим, что атаки на «ядро» раз за разом терпят поражение, «защитный пояс» же более уязвим, и именно на его поле открываются возможности для борьбы за больший плюрализм в экономической науке. Последний часто понимается как междисциплинарность в качестве основы новой исследовательской программы либо как внутридисциплинарный синтез между различными парадигмами экономической теории (более подробно об этом см. обзор С. Г. Кирдиной-Чэндлер [1]). В обоих случаях естественным препятствием для синтеза становится даже не само «ядро» экономической науки, а, как это описал Джордж Акерлоф, то, что находится в поле исследовательского внимания социологии науки: устойчивые практики воспроизводства экономического знания, взаимозависимые с принципами построения научной карьеры [10]. Внутренняя самоизоляция экономических парадигм одна от другой позволяет отдельным авторам говорить о том, что, поскольку внутридисциплинарный синтез в экономической теории затруднен в силу устоявшихся академических практик, постольку и междисциплинарный синтез в экономической теории – утопия (см. соответствующую работу Витора Нева *The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics* [11]).

Тем не менее некоторые исследовательские междисциплинарные программы успешно реализуются и, более того, получают признание со стороны экономического мейнстрима. Два последних знаковых примера – поведенческая экономика и новая институциональная экономическая теория (далее – НИЭТ). Однако в обоих случаях результат едва ли смог удовлетворить запрос гетеродоксов на экономический плюрализм: и поведенческая экономика, и НИЭТ лишь дополнили теоретическое ядро экономического мейнстрима. Не изменив фундаментальных его основ, изменились сами (о коллизиях поведенческой экономики см. работу

О. Б. Кошовец [12. С. 10], о трансформациях институционализма – работу М. Зафировски [13]). Ядро экономической теории, так называемые микроэкономические основания с их *homo economicus*, сохранились, будучи дополнены заимствованными извне концептами (об устойчивости «микроэкономических оснований» и «методологического индивидуализма» см. работу С. Г. Кирдиной [14]). И снова экономическая теория показала свою высокую степень иммунитета перед внешними влияниями, отстояв право на обладание жестким методологическим ядром базовых предпосылок. Именно оно, подкрепленное широким математическим аппаратом, позволяет экономистам видеть себя на вершине научной иерархии, представлять экономику в наибольшей степени наукой среди всего ряда социальных дисциплин, как об этом писал Марион Фуркад с соавт. [15]. Экономика, основанная на жестком ядре предпосылок и построенных на них моделях, улавливает, по мнению Дани Родрик, релевантные аспекты реальности, не захватывая всю ее целиком [16. С. 40–41]. Именно в ее способности «изолировать» фрагменты реальности от иных факторов Родрик видит силу экономической науки как таковой. В этом же видят слабость экономического мейнстрима его критики и одновременно сторонники междисциплинарного подхода, например, уже процитированный нами выше Витор Нева. Для него экономика как объект исследования – открытая реальность, не существующая вне социальных измерений [17].

В рамках данной работы мы не будем акцентировать внимание на эпистемологических доводах сторонников той или иной стороны в споре. Наша задача – показать, что экономический мейнстрим, претендуя на точность своего метода создания научного знания может и становится основой политического знания и идеологических суждений. Описывая отдельные аспекты реальности, мейнстрим их нормализует, а порой и возводит в ранг норматива. Фридман разводил нормативную и позитивную экономические науки, настаивая на аналитическом потенциале последней [8] и фактически противопоставляя одну другой. Однако вопроса о том, насколько экономический позитивист, изучающий то, «как оно есть», свободен от постулатов нормативной экономической теории с ее «как должно быть», Фридман не касался. Напротив, Йозеф А. Шумпетер, говоря о научном исследовании, прослеживал последовательность познавательных актов, в истоках которых стояло в той или иной степени идеологическое предубеждение [18. С. 254]: начальной постановке исследовательского вопроса и составления соответствующей модели предшествует индивидуальный аналитический акт, результат которого и зависит от наших предубеждений. Предположение Шумпетера о влиянии идеологических установок на конечный исследовательский результат подтверждается рядом исследований. Так, Z. Jelveh с соавт. [19] показали, что лексические конструкции, используемые экономистами, позволяют определить их политические предпочтения, одновременно с этим оценка оптимальной ставки налога зависит от политической ориентации исследователя. В другом исследовании результаты рандомизированного контролируемого эксперимента продемонстрировали, что оценка согласия/несогласия экономистов с высказываниями других экономистов в значительной степени зависит от заявленного авторства приводимой цитаты, даже в том случае, когда авторство указано неверное: так, с большей вероятностью экономист согласится с тем или иным высказыванием, если оно будет подписано именем известного представителя мейнстрима [20]. Таким образом, современные эмпирические исследования подтверждают влияние идеологии на экономистов, что, как нам кажется, ставит под удар тезис о существовании идеального случая позитивной экономической науки. Последний может восприниматься уже не как данность и гордость экономической теории, но, скорее, как утопия, в существовании которой экономисты смогли убедить мир, но стали сомневаться сами. Так, Томас Кун предполагал, что экономика наравне с психологией – наиболее зрелая из всех социальных наук и уже освободившаяся от герменевтических интерпретаций обозначаемых объектов изучения [21. С. 298–308]. И, напротив, в учебнике по введению в *economics* с мейнстримным и звездным составом авторов, среди которых Стэнли Фишер, можно прочесть: «...(э)кономисты известны своими разногласиями. Джордж Бернард Шоу, например, утверждал, что „даже если всех экономистов сковать одной цепью, то и тогда они не придут к единому мнению“. Если в приведенном высказывании „экономистов“ заменить „физиками“, никто не засмеется» [22. С. 2].

Принимая как допущение единство экономической теории мейнстрима, что действительно для его «ядра», скажем, что он, будучи плоть от плоти исследовательских установок и предпочтений, не независим от идеологии как таковой. Родовое проклятие социальных наук: их непосредственная вовлеченность

в исследуемый процесс, зависимость от доминирующих в обществе интерпретаций – не обходит стороной и экономическую науку. Однако претензия мейнстрима на подлинную научность, верифицируемость результатов сродни естественным наукам повышает степень ответственности экономистов перед обществом. Интерпретации исторических событий и фактов – процесс, зачастую не зависящий от мнения профессиональных историков. Мнение же экономистов имеет значение для общественных дискуссий. Пьер Бурдьё, описывая научный процесс как социальный, говорил о науке как о поле борьбы за авторитет, понимаемый как способность победителя «легитимно говорить и действовать от имени науки» [23. С. 474]. Экономический мейнстрим одержал в этом смысле безоговорочную победу как среди экономистов, так и среди социальных наук, в борьбе за возможность продвигать свое видение социального порядка. Речь в данном случае идет как о прямом влиянии экономистов на электоральный процесс посредством участия представителей академического сообщества в числе соавторов экономической программы того или иного кандидата (подробное исследование на примере США см. [24]), так и о процессах более «тонких». Перформативность экономической теории – дискутируемый в последние десятилетия вопрос. Обладая своими «слепыми пятнами», экономическая наука формирует представление общества об институтах и экономическом поведении и тем самым, как показала Катерина Маркьонни, опосредованно влияет на сами экономические институты [25]. Природа и механизмы влияния различны. С одной стороны, представление о перформативном потенциале экономики как науки восходит к концепции Дж. Остина, показавшего в работе *How to do things with words*, что многие описательные речевые акты формируют и изменяют саму реальность [26] (пример исследования перформативности экономики в этом контексте см. [27]). С другой, перформативность понимается через так называемую теорему Томаса о самосбывающихся пророчествах, согласно которой восприятие людьми ситуаций как реальных создает реальные последствия этих ситуаций, даже если сами ситуации никогда не существовали [28]. В случае с экономической теорией и ее влиянием на экономическую реальность это демонстрируется с неожиданной стороны, отчасти ставящей под сомнение объективное существование модели *homo economicus* в реальности до момента ее появления в трудах экономистов. Так, Дейл Миллер показал, что установка на реализацию собственных интересов и соответствующая максимизация полезности – не природная детерминанта природы человеческого поведения, а выработанная западной культурой поведенческая установка [29]. К схожим выводам пришли и авторы исследования [30], показавшие, что знание экономической теории поощряет эгоистическое поведение. Человек экономический – «воображаемый образ, существующий в совершенно различной литературе», дитя западной культуры [31. С. 351–352], самореализует себя во множественности человеческих выборов, в основе которых – заданная установка на рациональность выбора в строго предполагаемом смысле. Он, таким образом, сродни современному мифу в описании Ролана Барта: дискретный, «существующий не в виде оформленных больших рассказов, а лишь в виде „дискурса“; это не более чем фразеология, корпус фраз (стереотипов)» [32. С. 474].

Наконец, третий аспект перформативности берет свое начало в сложном взаимодействии экономической науки и власти. Лишь отчасти это согласуется с участием экономистов в избирательных кампаниях, в большей степени же речь идет о влиянии экономистов на принимаемые политиками и чиновниками решения, основанные на экономической экспертизе. В государственном управлении технократического типа возрастает роль научной экспертизы: технократы-чиновники склонны полагаться на строгое экономическое знание, а не на идеологию как таковую, и в этом смысле становятся более открыты к восприятию тезисов позитивной экономической науки. Однако в сложном процессе взаимодействия технократической бюрократии и экспертного сообщества экономистов происходит упрощение экономического знания и впоследствии упрощение принимаемых решений. В данном случае перформативность во взаимоотношениях науки и власти носит характер сообщающихся сосудов: власть нуждается в получении простой картины управляемого мира, ее для власти создают экономисты, власть верит в ту простую версию реальности, которую ей представили ученые, принимая ее за реально существующий предмет административного регулирования, и именно он становится объективной реальностью как в глазах ученых, так и в бюрократическом процессе (о взаимодействии практик производства научного знания и бюрократических процессов см. работу О. Б. Кошовец [33]).

Отсылки к экономической теории с ее формализованной реальностью ложатся в основу практик управления общественным сектором, порой игнорирующих отдельные аспекты сферы регулирования, что приводит к негативным последствиям, однако ни авторитет бюрократов, ни авторитет соответствующих ученых не ставится под удар (пример такого давления экономической теории, в частности, идеи экономии от масштаба, над прочими факторами при планировании реформ общественного сектора см. в исследовании [34]).

Три рассмотренных аспекта перформативности взаимоопределяют и порождают друг друга: миф о реальности, вырастающий из опыта ее познания и определения языком экономической науки, становится той самой реальностью. Миф реализует себя через множественность индивидуальных выборов экономических агентов, следующих в своих траекториях неким идеальным установкам о должном экономическом поведении. Подобное понимание соотносимо с трактовкой позднего Дугласа Норта о культуре как первопричине социальных институтов. Институты для него – репрезентация представлений человека и общества о своих предшествующих опытах познания внешней среды, которые и составляют саму культуру [35. С. 80]. Вопрос о влиянии идеологии, убеждений, общественных дискурсов и доминирующих нарративов поднимался недавно и В. В. Вольчиком [36].

Таким образом, какой бы строгой ни была проблема демаркации научного и ненаучного знания, поставленная позитивистами, мы вслед за неопозитивистами, среди которых упомянутые нами выше Томас Кун и Имре Лакатос, полагаем, что для социальных наук (и экономика не исключение) вопрос разграничения научного и ненаучного, в данном случае идеологического, знания далек от своего положительного решения. Широко ретранслируемое положение о верифицируемости экономического знания, с учетом сказанного выше, создает дополнительные общественные риски при принятии значимых решений. Ниже мы покажем это на весьма неочевидном примере. Экономический мейнстрим создал неверные общественные ожидания на Западе от результатов экономических реформ в Китае в конце XX в., что на нынешнем этапе привело к сложным политическим последствиям. Искажению в восприятии реальности пореформенного Китая способствовала, прежде всего, индифферентность экономистов к описательным практикам других социальных наук. Эффект был усилен экономическим империализмом: программой, предполагающей, что экономика может стать рамочной конструкцией для социальных наук (подробнее о дискуссии см. [37]).

Социализм с китайской спецификой как онтологический вызов

Социализм с китайской спецификой и опыт деконструкции

Выше мы говорили о том, что экономика как наука не только изучает, но и создает экономическую реальность. Как никто иной, китайский народ в годы правления Мао Цзэдуна ощущал на себе: экономическая наука (а марксизм можно считать одной из парадигм экономического знания) может вырасти в идеологию и подчинить себе реальность, менять ее, перекраивать по своим принципам. Яркий всплеск маоистской идеологизации экономической политики – так называемый большой скачок (1958–1960), против которого выступали многие авторитетные члены Коммунистической партии Китая (далее – КПК). Но Мао Цзэдун смело отметал сомнения: «...», (з)абегание вперед“ – это марксизм, борьба против забегания вперед – это анти-марксизм», – говорил он [38. С. 122]. Разумеется, это экстремальный пример идеологизации экономической политики, когда идеология основывается на экономическом знании, пусть и упрощенно понимаемом: в те годы советские исследователи писали об отсутствии теоретических выкладок в экономической программе маоизма [39. С. 205]. Тем не менее сама основа дискурса с набором базовых понятий и категорий были заимствованы Мао Цзэдуном из марксистско-ленинской политэкономии.

После его смерти в 1976 г. Китайская Народная Республика (далее – КНР) пусть и не сразу, но перешла к экономическим реформам: в 1978 г. на Третьем пленуме Центрального комитета 11-го созыва было объявлено о начале реализации политики реформ и открытости, той, что по прошествии 40 лет превратит китайскую экономику, разоренную потрясениями XX в., в глобального лидера. Историография китайских реформ насчитывает огромное количество публикаций, «секреты успеха» описаны более чем подробно: создание специальных экономических зон, реформы государственного сектора, фискальная децентрализация, огром-

ные государственные вложения в основной капитал и т. д. – в рамках данной работы мы не будем подробно останавливаться на механизмах реализации реформ. Нас более интересует идеологическая составляющая, ведь осуществление рыночных по своему содержанию реформ создавало риски легитимности правящего политического режима. Уже в те годы история знала множественные примеры рыночных реформ, реализованных авторитарными режимами: Сингапур периода Ли Куан Ю, реформы Пак Чон Хи в Южной Корее. В обоих случаях авторитарные лидеры инициировали рыночные реформы, четко очерчивая пределы либерализации сферой экономической жизни и выстраивая механизмы неформального политического контроля за экономикой. Авторитарные рыночные реформы в странах Азии создали особые рыночные механизмы, часто называемые «кумовским капитализмом» (*Crony Capitalism*) со всеми соответствующими ему издержками в виде коррупции как системного явления (актуальное исследование кумовского капитализма в странах Восточной Азии см. [40]). Схожий опыт был и у Китая, но не коммунистического: речь о реформах режима Чан Кайши (о них на примере банковского сектора см. [41]). Однако ни Ли Куан Ю, ни Пак Чон Хи, ни Чан Кайши при проведении рыночных реформ не надо было отмежевываться от нерыночной идеологии: напротив, все три политических режима свою политическую легитимность выстраивали на жесткой антикоммунистической риторике и, таким образом, рыночные реформы были органичны природе идеологической легитимности режимов. Реформаторы из числа членов КПК стояли перед более сложной задачей. Будучи партией, чья политическая легитимность строилась вокруг личности Мао Цзэдуна и его радикальной антирыночной и антикапиталистической позиции (оба понятия он, как представляется, отождествлял), они должны были совершить исторический разворот, который, если следовать марксистско-ленинской парадигме об историческом развитии, был шагом назад: от плановой экономики и народных коммун как радикальной формы социальной кооперации назад к частно-рыночным отношениям.

Сама реальность диктовала необходимость начала рыночных реформ, более того, в западной исследовательской литературе был популярен нарратив, согласно которому рыночные реформы в КНР были движением снизу, власть лишь постфактум придавала формальную законность уже фактически произошедшим в экономике изменениям [42. С. 51]. Разумеется, для китайской стороны такой способ описания событий был неприемлем, так как в явной форме снижал роль КПК как руководящего ядра реформ и высвечивал лишь один из аспектов, тогда как их следовало бы рассматривать в совокупности всех процессов [43. С. 66]. Как бы то ни было, многие рыночные элементы в самом деле вырастали «снизу». Но вопрос признания рыночных элементов со стороны КПК – хранителя политического наследия Мао Цзэдуна – создавал явные сложности как внутри партии, так как многие ее члены сохраняли искреннюю верность идеям почившего лидера, так и вовне ее. М. В. Карпов рассматривал эту проблему со стороны политологии: в его понимании сама концепция государства и партии ленинского типа, по образу и подобию которой была построена КПК и политическая система, ядром которой она стала, не предполагала и не могла предполагать рыночных механизмов экономической координации: партия занимает командные высоты в экономике и именно благодаря этому реализует свою политическую программу во всей ее полноте. Согласно этой логике, вся последующая траектория реформ, компромиссных по своей сути, являлась следствием попыток найти равновесие между сохранением экономики, для чего необходима была рыночная либерализация, и поддержанием политической легитимности КПК [44].

Найти выход из логического противоречия – рыночные реформы, реализуемые антирыночной партией, – помогла идеология: модель социализма с китайской спецификой (有中国特色的社会主义, ю чжунго тэсэдэ шэхуэйчжуй) (далее – СКС). Фактически социализм с китайской спецификой, часто упоминаемый в китайских основных партийных и государственных документах, не может рассматриваться как некий явно артикулированный план реформ. Напротив, это скорее идеологема, чей автор Дэн Сяопин, как многие полагают, «сознательно не стремился к созданию новой системы «реформенных» категорий, вместо этого он поставил задачу «всемерно насыщать язык правящей элиты категориями „практики“» [40. С. 206]. Впервые понятие было озвучено в 1982 г. на одном из партийных мероприятий: «...при осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая. <...> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной

реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой...» [45. С. 5–6]. Подробности СКС раскрыты не были, но в общих чертах и на фоне сложившегося тогда дискурса реформ основные элементы были ясны: построение общества среднего достатка (сяокан), сочетание плана и рынка в процессе социалистического развития общества и сохранение основных принципов государственного устройства КНР (46. С. 423). Сяокан (общество среднего достатка, или среднезажиточное общество) – ныне прочно вошедший в китайский политический обиход термин – был в те времена также впервые озвучен Дэн Сяопином, хотя и будучи заимствованным из конфуцианской традиции (о культурно-историческом контексте понятия [47]). Дэн Сяопин использовал понятие как способ призвать к сохранению приверженности социализму: при капитализме «зажиточной стала бы жизнь нескольких процентов населения, остальные 90 с лишним процентов пребывали бы в нужде. Но при социалистическом принципе распределения жизненный уровень всего народа страны достигнет среднезажиточного уровня» [45. С. 70].

Дальнейший контекст показал, что СКС явился развитием рыночных институтов без капитализма: китайские идеологи впоследствии приложили значительные усилия к тому, чтобы показать: рынок и капитализм не тождественные понятия, законы рынка могут действовать и в социалистическом обществе. Разумеется, эти идеологические построения были более актуальны для идеологии, нежели для экономической теории, однако реалии того времени диктовали тесное взаимодействие между академическим и общественным экономическим суждением. Мы уже показывали, что СКС стал своего рода риторическим синтезом [48], позволившим китайской экономической науке и китайской управленческой элите выйти за рамки дуалистичной картины противопоставления плановой и рыночной экономик, деконструировав ее онтологические основания.

Экономический мейнстрим как западная наука

«Неправильно утверждать, что... есть только капиталистическая рыночная экономика. Почему ее нельзя развивать при социализме? Рыночная экономика не является синонимом капитализма. Основу у нас составляет плановая экономика, которая существует в сочетании с рыночной, однако это социалистическая рыночная экономика», – говорил Дэн Сяопин [46. С. 405]. Особенность эпохи состояла в том, что эта мысль была интеллектуальным вызовом не только для экономистов, прошедших школу марксистско-ленинской политэкономии в ее маоистской версии, но и для западного экономического мейнстрима, чьи представления о плановой рыночной экономике либо ограничивались ее пониманием как порочного отхождения от нормы, либо исчерпывались работами Фридриха Августа фон Хайека и Яноша Корнаи. Китайские власти в 1980-е гг. активно привлекали представителей западного мейнстрима к участию в дискуссиях о траекториях китайских реформ (о знаменитом «Башаньском совещании» 1985 г. см. [49]), однако далеко не все рекомендации западных экономистов принимались китайскими властями безоговорочно. Если первые настаивали на скорейшей рыночной либерализации посредством демонтажа механизма планового регулирования цен и приватизации государственного сектора, то вторые исходили из необходимости создания плюралистической реальности, в которой был бы сохранен механизм планового и рыночного регулирования цен: так называемая двухколейная система ценообразования, фактически существующая и поныне и предполагающая сохранение определенной номенклатуры благ (в основном относящихся к факторам производства), цены или диапазон колебания цен на которые определяет государство, при условии функционирования рыночного механизма ценообразования в экономике. Как СКС на уровне идеологии, так и двухколейный механизм позволял КПК и сохранить командные высоты (по крайней мере, отдельные рычаги реализации экономического планирования), и выстроить рыночную экономику (подробное исследование реформы цен см. [50]).

На рубеже 1970–1980-х гг. тектонические сдвиги происходили не только в китайской реальности, но и в западном обществе, и западном же экономическом сообществе. Экономические кризисы 1970-х гг. на Западе привели к поражению кейнсианцев, левые партии проигрывали выборы, а государство общественного благосостояния как идея переживало не лучшие времена. В результате новым мейнстримом экономической теории, имеющим свое влияние на власть, стал неоллиберализм [51. С. 64]. Именно представители последнего предлагали развивающимся странам воссоздать экономическую систему развитых стран у себя посредством

шоковой терапии, полагая, что китайский путь рыночного транзита с сохранением государственного сектора в экономике и планового механизма в ценообразовании – наилучший из всех возможных, так как служит сохранению стимулов к нерыночному поведению экономических агентов [43. С. 67].

И тогда, и позже уверенность представителей неолиберального мейнстрима подкреплялась тем, что Р. И. Капелюшников назвал «панинституционализмом»: тезис о том, что первопричиной перехода от мальтузианского к шumpетерианскому росту стало стабильное урегулирование прав собственности, реализовавшееся в некоторых странах Западной Европы к середине XVIII в. Вокруг этого наблюдения выстроилась концепция о существовании «плохих» и «хороших» институтов. «Хорошими» выступали институты стран Западной Европы, предполагающие свободный доступ агентов не только к экономическим ресурсам, но и к властным через возможность участия в состязательном электоральном процессе [52]. Историческая обоснованность подобной конструкции неоднократно подвергалась критике как один из примеров так называемого ориентализма: практики западных социальных наук описывали исторический путь стран Востока как тупиковый, ведущий к отставанию от Запада, и через это обосновывали колониальное доминирование Запада над Востоком (частично мы рассматривали этот вопрос в [53]). В этом смысле экономический мейнстрим выступал как западная наука, нормализующая западные институциональные порядки как норматив социально-экономического устройства.

Кризис ожиданий

Активная вовлеченность западных экономистов в процесс китайских экономических реформ и их презентации западному обществу сопровождался конструированием своих – западных – ожиданий от конечного результата реформаторского процесса. Панинституциональная концепция очерчивала узкий спектр возможных версий прогнозирования, лейтмотивом которых становилось предположение о причинно-следственной связи экономического роста, экономической либерализации с выстраиванием чистых институтов рынка, и политической либерализации через осуществление демократического транзита. Авторы из числа оптимистов предполагали, что реформенный транзит китайского общества своей конечной остановкой будет иметь капиталистическое общество с последующей политической либерализацией. В иных случаях даже предполагалось, что Китай уже достиг капитализма [42; 54. Р. 11]. Такая точка зрения, с одной стороны, соответствовала укоренившемуся представлению о «конце истории»: глобальной победе либеральной демократии и капитализма как наиболее эффективного способа реализации общественного процесса, предполагавшему глобальную институциональную вестернизацию [55], с другой – обладала значительным успокоительным эффектом, оправдывая финансовые вливания западных корпораций в коммунистический режим. Пессимисты, напротив, заявляли, что в конечном итоге китайский экономический рост прекратится, достигнув своих пределов в лице все еще авторитарных политических институтов [56. Р. 441]. Как показал опыт, ни та ни другая позиции, базировавшиеся на представлениях мейнстрима об эффективном способе экономического устройства, не реализовались: Китай не прекратил экономический рост и не приступил к политической либерализации в европейском понимании этого процесса. Напротив, как представляется ныне многим, он показал миру конкурентоспособный образец институционального устройства общества и экономики. Бросив вызов экономической теории, он между тем бросил и ценностный вызов представлениям западных политиков и бюрократов. Именно поэтому нынешнее противостояние КНР и США приобретает оттенки эсхатологической борьбы авторитаризма и либерализма. Последний, уверовав на фоне крушения советского блока в собственную безальтернативность, столкнулся с фундаментальным вызовом в лице современного Китая. Вероятно, большая погруженность экономистов в социально-исторический контекст китайского развития – а в американской синологии шли дискуссии о способности Китая к модернизации через вестернизацию и эластичности китайской культуры по отношению к внешним влияниям [57] – позволили бы уже на заре реформ лучше осознать траектории китайского пути и, таким образом, избежать онтологического шока сейчас.

Заключение

Экономику привыкли считать царицей социальных наук, дисциплиной, более иных приблизившейся к золотому стандарту естественных наук. Среди экономистов миф о том, что экономике удалось преодолеть родовое заклятие общественных наук в виде зависимости исследования и исследователя от идеологических установок и предпочтений, поддерживается структурой воспроизводства научного знания: аттестационными, издательским, дискурсивными практиками. Миф цементирует ядро экономического знания, защищает экономику от внешних дисциплинарных влияний. Как показывает опыт, экономика индифферентна по отношению к иным социальным наукам и взаимодействию с ними. Спокойна она и по отношению к различиям во внутридисциплинарных парадигмах: экономический мейнстрим не замечает гетеродоксальные концепции, и наоборот. Представление о научности экономического знания устойчиво и в общественно-политической среде. Последнее обстоятельство ложится тяжким грузом ответственности на экономистов за принимаемые обществом и политиками решения, за сформированную у последних картину мира. И наиболее сложным здесь представляется взаимодействие ученых и бюрократов, для которых экономика – инструмент обоснования принимаемых решений.

Экономика может и создает общественные идеологии и представления, не только исследует, но и формирует саму экономическую реальность. Однако, будучи рожденной на Западе, она привыкла выстраивать свои онтологии вокруг нормализации бытующих на Западе социальных порядков. Описывая и предсказывая траектории развития незападных стран, она имплицитно исходит из предпосылки о том, что рано или поздно они пойдут по пути соответствия описываемой экономикой мейнстрима социальной реальности, понимаемой как наиболее эффективный способ принятия и реализации экономических решений. Похожая точка зрения сложилась в среде западных экономистов относительно рыночных реформ в Китае в конце XX в., создав неверные ожидания, разделявшиеся политиками стран Запада относительно будущего устройства Китая. В свое время среди траекторий будущего развития Китая западные экономисты, а вместе с ними и политики видели лишь две основные: ползучая либерализация и ограничение влияния государства в китайской экономике, сопровождаемые демократизацией политической сферы, либо достижение пределов экономического роста, возможных для стран с авторитарными институтами. Оба прогноза выросли из представления о том, что экономический рост возможен лишь в рыночных экономиках при условии политического либерализма и ограничения государственного влияния на общество. Неолиберализм как доминирующая на тот момент парадигма в экономическом мейнстриме предполагал исключительно такое видение, с одной стороны, условий экономического роста, с другой – будущего Китая как части мирового сообщества. Это давало соответствующую надежду для западных политиков, видевших Китай в будущем втянутым в орбиту политического развития западного мира. Такая позиция выросла, как можно увидеть постфактум, из игнорирования мейнстримом множественности вариантов условий экономического роста, в частности, определяемых разницей в мотивациях социального поведения агентов в разных культурах. Видение будущего нуждалось в корректировке за счет, в частности, синтеза с иными социальными науками, в том числе историей. Неолиберализм исходит из рассмотрения личностных мотиваций агентов, воспринимающих государственное влияние как внешний фактор своего поведения. Рыночные институты, стимулирующие экономический рост, таким образом, понимаются и как система стимулов для индивидуального рыночного поведения. Игнорируемым в данном случае оказывается фактор коллективного действия. Как показала М. С. Круглова в своей статье [58], активными проводниками рыночных реформ в Китае на начальном этапе были так называемые поселково-волостные предприятия, коллективные объединения, традиционные для китайской реальности институты, привычные к взаимодействию с жестким государственным аппаратом. В этом, пожалуй, и заключается главный парадокс того, что прогнозы по Китаю не сбылись: исходя из традиционного для Запада противопоставления государства, трактуемого в гоббсовском смысле как монстр Левиафан, общества и индивида, они видели исход реформ в перенесении баланса силы в Китае с государства на общество и на самих индивидов. Китайская же интеллектуальная традиция такого разделения не предполагала. Напротив, говоря о конфуцианском сяокан, Дэн Сяопин искал именно логики коллективного действия, где общество и государство мыслят себя как единое целое.

Целью нашего исследования было показать на примере ошибок в прогнозах и ожидании результатов китайских реформ, выросших из экономического мейнстрима, потенциал для меж- и внутридисциплинарного синтеза. Предполагаем, что, в частности, традиционный исходный институционализм, ныне понимаемый как гетеродоксальное течение, с его вниманием к культурным и историческим контекстам развития обществ, позволил бы изначально не воспринимать проблему китайских экономических реформ через призму рыночных реформ как освобождения общества и «обуздания» государства.

Список литературы

1. Кирдина-Чэндлер С. Г. О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов // *AlterEconomics*. 2023. № 1(20). С. 59–78. DOI: <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2023.20-1.4>
2. Krugman P. R. How did economics get it so wrong? // *The New York Times Magazine*. 2009. № 9. Pp. 36–44. URL: <https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html> (дата обращения: 05.04.2022).
3. Stiglitz J. E. The Current Economic Crisis and Lessons for Economic Theory // *Eastern Economic Journal*. 2009. № 35(3). Pp. 281–296. DOI: <https://doi.org/10.1057/ej.2009.24>
4. Акерлоф Дж. Грехи и упущения экономической науки // *Экономическая политика*. 2021. № 1(16). С. 104–123. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-1-104-123>
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Структура научных революций* / Т. Кун; сост. В. Ю. Кузнецов. Москва, 2003. С. 269–453.
6. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). Москва: Институт экономики РАН, 2013.
7. Автономов В. С. Мейнстрим и кризисы // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 4. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 376–378.
8. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
9. Тамбовцев В. Л. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? // *Journal of Institutional Studies*. 2023. № 1(15). С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022>
10. Akerlof G. A. Sins of Omission and the Practice of Economics // *Journal of Economic Literature*. 2020. № 58(2). Pp. 405–418. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.20191573>
11. Neves V. The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics // *Theory and Practice in the Interdisciplinary Production and Reproduction of Scientific Knowledge* / О. Pombo, K. Gärtner, J. Jesuino (Eds.). Springer, 2023. Pp. 189–203. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-20405-0_10
12. Кошовец О. Б. Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 2(15). С. 7–21. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_2_7_21
13. Zafirovski M. Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined // *International Journal of Social Economics*. 2003. № 7(30). Pp. 798–826. DOI: <https://doi.org/10.1108/03068290310478757>
14. Кирдина С. Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 66–89. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89>
15. The Superiority of Economists / M. Fourcade, E. Ollion, Y. Algan // *Journal of Economic Perspectives*. 2015. № 29(1). Pp. 89–114. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.29.1.89>
16. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «Мрачной науки» / пер. с англ. Е. Головляницыной // *Экономическая социология*. 2015. № 4(16). С. 39–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2015-4-39-59>
17. Neves V. Economics and Interdisciplinarity: An Open-Systems Approach // *Brazilian Journal of Political Economy*. 2017. № 37(2). Pp. 343–362. DOI: <https://doi.org/10.1590/0101-31572017v37n02a05>
18. Шумпетер Й. Наука и идеология // *Философия экономики. Антология* / пер. с англ. под ред. Д. Хаусмана. Москва: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 247–264.
19. Political Language in Economics / Z. Jelveh, B. Kogut, S. Naidu // *Columbia Business School Research Paper*. 2022. № 14–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2535453>
20. Mohsen J., Chang Ha-Joon. Who Said or What Said? Estimating Ideological Bias in Views Among Economists. ResearchGate, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/330845922_Who_Said_or_What_Said_Estimating_Ideological_Bias_in_Views_Among_Economists (дата обращения: 10.04.2023).
21. Кун Т. После «Структуры научных революций» / пер. с англ. А. Л. Никифорова. Москва, 2014.

22. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи: пер. с англ. со 2-го изд. Москва: Дело лтд, 1995.
23. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетея, 2005.
24. The Real Policy Wonks: How Economists Reshaped America // A business journal from the Wharton School of the University of Pennsylvania, 2019. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/role-of-economists/> (дата обращения: 24.07.2022).
25. Marchionni C. Social Aspects of Economics Modelling. Disciplinary Norms and Performativity // Methodology and History of Economics: Reflections with and without Rules / В. Caldwell, J. Davis, U. Mäki, Esther-Mirjam Sent (Eds.). Routledge, 2022.
26. Austin J. L. How to Do Things with Words / eds. J. O. Urmson, M. Sbisà; 2d ed. Cambridge: Harvard University Press, 1955.
27. Ореховский П. А. Структуры когнитивности и российские реформы: научный доклад, препринт. Москва: Институт экономики РАН, 2019.
28. Merton R. K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces. 1995. № 74(2). Pp. 379–422. DOI: <https://doi.org/10.2307/2580486>
29. Miller D. T. The norm of self-interest // American Psychologist. 1999. № 12(54). Pp. 1053–1060. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.54.12.1053>
30. Does Studying Economics Inhibit Cooperation? / F. H. Robert, T. Gilovich, D. T. Regan // Journal of Economic Perspectives. 1993. № 7(2). Pp. 159–171. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.7.2.159>
31. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / пер. с фр. С. Рындина. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
32. Ролан Б. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва, 2003.
33. Кошовец О. Б. Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию // Эпистемология и философия науки. 2022. № 1(59). С. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202259113>
34. Economics performativity and its consequences for accounting and organizational spaces: the case of public sector reforms / P. Skaerbaek, K. Tryggstad, M. Christensen // *Space and Organizing*. Pp. 104–120. 2023. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781800881563.00013>
35. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
36. Вольчик В. В. Идеи, символы и нарративы для экономического развития России // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 1(17). С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.5-22>
37. Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. 2015. № 4. С. 52–64. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2015-4-52-64>
38. Усов В. Н. Китайская Народная Республика в 1949–1960 гг. // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. Москва: Наука, 2017. С. 19–198.
39. Борох О. Н. Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии // AlterEconomics. 2023. № 1(20). С. 189–215. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10>
40. Kang D. C. Transaction Costs and Crony Capitalism in East Asia // Comparative Politics. 2003. № 4(35). Pp. 439–458. DOI: <https://doi.org/10.2307/4150189>
41. Круглова М. С. Банки, финансы и реформы в Нанкинское десятилетие (1928–1937): Синтетическая экономическая политика // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 127–141. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
42. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. Москва: Новое издательство, 2013.
43. Борох О., Ломанов А. Китайский путь реформ в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6(64). С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75>
44. Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. Москва; Санкт-Петербург, 2004.
45. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: пер. с кит. Москва: Политиздат, 1988.
46. Панцов А. В. Дэн Сяопин. Москва: Молодая гвардия, 2013.
47. Smith C. A. Datong and Xiaokang // Afterlives of Chinese Communism: Political Concepts from Mao to Xi / C. Sorace, I. Franceschini, & N. Loubere (Eds.). 2019. Pp. 63–66.
48. Вольнский А. И., Круглова М. С. «Социализм с китайской спецификой» как результат риторического синтеза в экономической политике // Синтез в экономической теории и экономической политике / под общ. ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. Москва: ИЭ РАН, 2022. С. 334–351.

49. Борох О. Н. Иностранцы экономисты и китайские реформы: вклад Башаньского совещания (1985 г.) в формирование стратегии преобразований // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 93–109. DOI: [htt9ps://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109](https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109)
50. Жигулева В. В. Реформа системы ценообразования КНР (1978–2002): дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2004.
51. Ореховский П. А. Парадоксы регрессивной модернизации и экспорт российских институтов // Федерализм. 2019. № 2. С. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-61-71>
52. Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
53. Волынский А. И. Мезоэкономика роста: изучая опыт китайских реформ // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 84–99.
54. China v America // The Economist. October 2018. 20th.
55. Волынский А. И. К концу истории // Восточный курьер. 2022. № 4. С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18254/s268684310023799-6>
56. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N. Y.: Crown Business, 2012.
57. Lin D. X. John K. Fairbank's Construction of China, 1930s–1950s: Culture, History, and Imperialism // Journal of American-East Asian Relations. 2012. № 3–4(19). Pp. 211–234. DOI: <https://doi.org/10.1163/18765610-01904003>
58. Круглова М. С. Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? // Terra Economicus. 2020. № 18(4). С. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125>

References

1. Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.201.4>
2. Krugman, P. R. (2009). How did economics get it so wrong? *The New York Times Magazine*, 9, 36–44. <https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html>
3. Stiglitz, J. E. (2009). The Current Economic Crisis and Lessons for Economic Theory. *Eastern Economic Journal*, 35(3), 281–296. <https://doi.org/10.1057/eej.2009.24>
4. Akerlof, G. (2021). Sins of Omission and the Practice of Economics. *Economic policy*, 16(1), 104–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-1-104-123>
5. Lakatos, I. (2003). Falsification and methodology of scientific-research programs. In *Structure of scientific revolutions* (pp. 269–453). Moscow. (In Russ.).
6. Olsevich, Yu. Ya. (2013). *Contemporary crisis of the “mainstream” in estimations of its representatives (preliminary analysis)*. Moscow: Institute of Economics RAS. (In Russ.).
7. Avtonomov, V. S. (2012). Mainstream and crises. In *The 12th International scientific conference on the problems of economy and society development* (In 4 books. Book 4, pp. 376–378). Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
8. Friedman, M. (1994). The Methodology of Positive Economics. *THESIS*, 4, 20–52. (In Russ.).
9. Tambovtsev, V. L. (2023). Claim for pluralism in economics: what is behind it? *Journal of Institutional Studies*, 15(1), 6–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022>
10. Akerlof, G. A. (2020). Sins of Omission and the Practice of Economics. *Journal of Economic Literature*, 58(2), 405–418. <https://doi.org/10.1257/jel.20191573>
11. Neves, V. (2023). The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics. In: *Theory and Practice in the Interdisciplinary Production and Reproduction of Scientific Knowledge in the XXI Century*. Pombo O., Gärtner K., Jesuino J. (eds.). Springer, 189–203. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20405-0_10
12. Koshovets, O. B. (2022). An economic agent in your brain: neuroeconomic discourse and the limits of rationality. *Issues of economic theory*, 15(2), 7–21. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_2_7_21
13. Zafirovski, M. (2003). Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined. *International Journal of Social Economics*, 30(7), 798–826. <https://doi.org/10.1108/03068290310478757>
14. Kirdina, S. G. (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 66–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89>
15. Fourcade, M., Ollion, E., & Algan, Y. (2015). The Superiority of Economists. *Journal of Economic Perspectives*, 29(1), 89–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.1257/jep.29.1.89>
16. Rodrik, D. (2015). Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. *Journal of Economic Sociology*, 16(4), 39–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2015-4-39-59>

17. Neves, V. (2017). Economics and Interdisciplinarity: An Open-Systems Approach. *Brazilian Journal of Political Economy*, 37(2), 343–362. <https://doi.org/10.1590/0101-31572017v37n02a05>
18. Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. In D. M. Hausman (Ed.) *The Philosophy of Economics. An Anthology* (pp. 247–264). Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.).
19. Jelveh, Z., Kogut, B., & Naidu, S. (2022, December 13). Political Language in Economics. *Columbia Business School Research Paper*, 14–57. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2535453>
20. Mohsen, J., & Chang, H. (2019). Who Said or What Said? Estimating Ideological Bias in Views Among Economists. *ResearchGate*. https://www.researchgate.net/publication/330845922_Who_Said_or_What_Said_Estimating_Ideological_Bias_in_Views_Among_Economists
21. Kuhn, Th. (2014). *The Road since Structure*. Moscow. (In Russ.).
22. Fisher, S., Dornbusch, R., & Schmalenzi, P. (1995). *Economy*. Moscow: Delo LTD. (In Russ.).
23. Bourdieu, P. (2005). *Social space: fields and practices*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.).
24. The Real Policy Wonks: How Economists Reshaped America. (2019, October 17). *A business journal from the Wharton School of the University of Pennsylvania*. <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/role-of-economists/>
25. Marchionni, C. (2022). Social Aspects of Economics Modelling. Disciplinary Norms and Performativity. In B. Caldwell, J. Davis, U. Mäki, E.-M. Sent. *Methodology and History of Economics: Reflections with and without Rules* (1st ed.). Routledge.
26. Austin, J. L., Urmsom, J. O., & Sbisà, M. (Eds.) (1955). *How to Do Things with Words* (2d ed.). Cambridge: Harvard University Press.
27. Orekhovskiy, P. A. (2019). *Structures of cognitivity and Russian reforms: Scientific report, preprint*. Moscow: Institute of Economics RAS.
28. Merton, R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, 74(2), 379–422. <https://doi.org/10.2307/2580486>
29. Miller, D. T. (1999). The norm of self-interest. *American Psychologist*, 54(12), 1053–1060. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.54.12.1053>
30. Frank, R. H., Gilovich, Th., & Regan, D. T. (1993). Does Studying Economics Inhibit Cooperation? *Journal of Economic Perspectives*, 7(2), 159–171. <https://doi.org/10.1257/jep.7.2.159>
31. Laval, Ch. (2010). *Homo economicus. Essay on the Origin of Neoliberalism*. Moscow: New literary review. (In Russ.).
32. Barthes, R. (2003). *The Fashion System. Articles on the semiotics of culture*. Moscow: Publishing house. Sabashnikov. (In Russ.).
33. Koshovets, O. B. (2022). Economic knowledge and power: from scientific objectivity to technologies of impersonality and social design. *Epistemology & Philosophy of Science*, 59(1), 171–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.5840/eps202259113>
34. Skaerbaek, P., Tryggestad, K., & Christensen, M. (2023). Economics performativity and its consequences for accounting and organizational spaces: the case of public sector reforms. In *Space and Organizing* (pp. 104–120). <https://doi.org/10.4337/9781800881563.00013>
35. North, D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Moscow: Publishing House of HSE University. (In Russ.).
36. Volchik, V. V. (2023). Ideas, symbols and narratives for the economic development of Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(1), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.5-22>
37. Volchik, V. V. (2015). Interdisciplinarity in economic science: between imperialism and pluralism. *Terra Economicus*, 13(4), 52–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2015-4-52-64>
38. Usov, V. N. (2017). The People's Republic of China in 1949–1960. In S. L. Tikhvinsky (Ed.). *History of China from ancient times to the beginning of the 21st century* (In 10 vol., Vol. VIII: People's Republic of China (1949–1976), pp. 19–198). Moscow: Nauka. (In Russ.).
39. Borokh, O. N. (2023). Priorities of China's Economic Development in Contemporary Official Ideology. *AlterEconomics*, 20(1), 189–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10>
40. Kang, David C. (2003). Transaction Costs and Crony Capitalism in East Asia. *Comparative Politics*, 35(4), 439–458. <https://doi.org/10.2307/4150189>
41. Kruglova, M. S. (2023). Banking, Finance and Reform in the Nanjing Decade (1928–1937): A Synthetic Economic Policy. *Issues of Economic Theory*, 1, 127–141. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
42. Coase, R., & Ning, W. (2013). *How China became capitalist*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
43. Borokh, O., & Lomanov, A. (2020). China's Path of Reform under Conditions of Globalization. *World Economy and International Relations*, 64(6), 66–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75>
44. Karpov, M. (2014). *The Vicious Circle of the 'Chinese Miracle'. Market Transformations and the Problem of Reformability of the Lenin-Type Party State in the People's Republic of China*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor. (In Russ.).

45. Deng Xiaoping. (1988). *The main questions of modern China*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
46. Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping*. Moscow: Young Guard. (In Russ.).
47. Smith, C. A. (2019). Datong and Xiaokang. In C. Sorace, I. Franceschini, N. Loubere (Eds.), *Afterlives of Chinese Communism: Political Concepts from Mao to Xi* (pp. 63–66). Anu Press.
48. Volynskii, A. I., & Kruglova, M. S. (2022). “Socialism with Chinese characteristics” as a result of rhetorical synthesis in economic policy. In V. I. Mayevsky, S. G. Kirdina-Chandler (Eds.), *Synthesis in economic theory and economic policy* (pp. 334–351). Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
49. Borokh, O. N. (2022). Foreign Economists and Chinese Reforms: the Contribution of the Bashan Conference (1985) to Shaping the Strategy of Transformation. *Issues of Economic Theory*, 4, 93–109. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109
50. Zhiguleva, V. V. (2004). *Reform of the price setting system in the people’s Republic of China (1978–2002)*: PhD (Economics) thesis. Moscow. (In Russ.).
51. Orekhovsky, P. A. (2019). Paradoxes of regressive modernization and export of Russian institutions. *Federalism*, 2, 61–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-61-71>
52. Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Contra pan-institutionalism*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).
53. Volynskii, A. (2019). Meso-economics of the economic growth: studying the experience of Chinese reforms. *Issues of Economic Theory*, 1, 84–99. (In Russ.).
54. China v America. *The Economist*. 2018, October. 20th.
55. Volynskii, A. (2022). To the End of History. *Oriental Courier*, 4, 11–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/s268684310023799-6>
56. Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N. Y.: Crown Business.
57. Lin, D. X. (2012). John K. Fairbank’s Construction of China, 1930s–1950s: Culture, History, and Imperialism. *Journal of American-East Asian Relations*, 19(3–4), 211–234. <https://doi.org/10.1163/18765610-01904003>
58. Kruglova, M. S. (2020). Township and village enterprises in China: Reform success or evolution of a traditional institution? *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 12.04.2023
Дата принятия в печать / Accepted 30.05.2023